

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 3 / 2025, Vol. 8, Iss. 3 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.2/7

Социальная и юридическая обусловленность уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции

¹ Лактюхин А.О.,
¹ Ульяновский государственный университет

Аннотация: в статье исследуются социальные, юридические и иные основания включения уголовно-правовых запретов, сконструированных с административной преюдицией, в текст уголовного закона. Проведен комплексный анализ причин расширения перечня таких запретов, а также совокупность научных позиций ученых относительно допустимости подобных запретов в современном законодательстве. В ходе исследования затрагиваются вопросы формирования общественной опасности деяния, предусмотренного уголовно-правовым запретом с административной преюдицией, а также общественной опасности личности нарушителя как первопричины закрепления в законе таких запретов. Отражена роль отдельных социальных и правовых причин и условий при осознании обоснованности включения таких запретов в текст уголовного закона.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовно-правовой запрет, социальная обусловленность, общественная опасность, конвергенция правовых отраслей, устойчивое девиантное поведение

Для цитирования: Лактюхин А.О. Социальная и юридическая обусловленность уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции // International Law Journal. 2025. Том 8. № 3. С. 133 – 138.

Поступила в редакцию: 18 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2025 г.; Принята к публикации: 22 апреля 2025 г.

Social and legal conditionality of criminal law prohibitions constructed with the help of administrative prejudice

¹ Laktyukhin A.O.,
¹ Ulyanovsk State University

Abstract: the article examines the social, legal and other grounds for the inclusion of criminal law prohibitions, constructed with administrative prejudice, in the text of the criminal law. A comprehensive analysis of the reasons for the expansion of the list of such prohibitions has been carried out, as well as a set of scientific positions of scientists regarding the permissibility of such prohibitions in modern legislation. In the course of the study, the issues of the formation of the public danger of an act provided for by a criminal law prohibition with an administrative prejudice, as well as the public danger of the violator's personality as the root cause of the consolidation of such prohibitions in the law, are touched upon. The role of individual social and legal reasons and conditions in realizing the validity of including such prohibitions in the text of the criminal law is reflected.

Keywords: administrative prejudice, criminal law prohibition, social conditionality, public danger, convergence of legal branches, sustainable deviant behavior

For citation: Laktyukhin A.O. Social and legal conditionality of criminal law prohibitions constructed with the help of administrative prejudice. International Law Journal. 2025. 8 (3). P. 133 – 138.

The article was submitted: January 18, 2025; Approved after reviewing: March 16, 2025; Accepted for publication: April 22, 2025.

Введение

В течение последнего десятилетия в уголовном праве сформировалась тенденция к увеличению числа уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции. Очевидный факт расширения перечня таких запретов не может не демонстрировать избранный курс государственной политики, что также подтверждается высказываниями лидеров страны в разные периоды времени – в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 г., Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 г., а также включением пунктов о необходимости обращения к таким запретам в рамках отдельных направлений государственной политики (например, в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020-го года). В то же время обозначенная тенденция весьма спорно была встречена и оценивается сейчас учеными, которые фактически разделились на два лагеря: согласившихся с необходимостью подобных запретов в уголовном законе и отрицающих их значимость и практическую ценность. Вместе с тем уголовно-правовые запреты, сконструированные с помощью административной преюдиции, сегодня занимают важное место в УК РФ. При этом первопричины споров вокруг её необходимости заложены, по нашему мнению, в изначальных дискуссиях относительно действительной обусловленности таких запретов фактическими и юридическими обстоятельствами. Осознание причин и условий, при которых такие запреты формировались, а также реальных оснований для принятия решения о включении их в текст УК РФ, становится главной целью при осознании курса на расширение их использования в законе и на практике.

Таким образом, актуальностью исследования сегодня является недостаточное изучение истоков социальной и правовой обусловленности включения в закон уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции, при одновременном продолжении активного внедрения таких запретов в закон.

Цель исследования – установление и обоснование первопричин и условий формирования уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции.

Задачи – выявить закономерности формирования современных уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции, обосновать природу возрастания уровня общественной опасности уголовно-правовых запретов с административной преюдицией, установить совокупность обстоятельств, обуславливающих включение в текст УК РФ запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции.

Гипотеза – включение в текст уголовного закона запретов, сконструированных с помощью административной преюдиции, является закономерным этапом развития уголовного законодательства и обусловлено наличием юридических и социальных предпосылок.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования использовались следующие теоретические методы: сравнительный анализ, статистический, исторический метод, методы дедукции и индукции. Сравнительный метод использовался при установлении схожих и разных черт составов преступлений, содержащих уголовно-правовые запреты, сконструированные с помощью административной преюдиции. Статистический метод применялся при обращении к данным судебной статистики. Исторический метод использовался при обосновании исторического и политического вектора деятельности по возвращению таких запретов в систему УК РФ. Метод дедукции и индукции применялись при установлении как особых черт исследуемых запретов, так и их схожих элементов с другими уголовно-правовыми запретами.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Любое правовое явление может оцениваться по-разному в научном сообществе. Это обусловлено как многообразием взглядов ученых, так и широкой вариацией подходов к толкованию отдельных явлений. Тем не менее, такие противоречия могут разрешаться зачастую на основе фактических обстоятельств. Применительно к уголовно-правовым запретам, сконструированным с помощью административной преюдиции, данные противоречия, по нашему мнению, нивелируются вследствие фактического увеличения числа таких запретов в законе, а также их активного применения на практике. Как верно подытожил С.А. Маркунцов, факт существования таких норм и расширение их числа – это существующая реальность [10, с. 254]. В свою очередь следует сразу обратить внимание на то, что уголовно-правовая норма выступает формой закрепления конкретного запрета, а значит использование терминов «норма с административной пре-

юдицией» и «уголовно-правовой запрет с административной преюдицией» в ряде случаев является синонимичным. Значит, важным научным направлением мысли должна стать разработка единого осознания причин и истоков формирования таких запретов, установление взаимосвязей между различными социальными и правовыми обстоятельствами и итоговым включением запретов в УК РФ.

Помимо обозначенного ранее исторического экскурса, подтверждающего последовательность законодательных этапов внедрения таких запретов, расширение их перечня обуславливается нарастающим увеличением числа совершаемых нарушений. Наглядно это демонстрируют статистические данные, согласно которым с 2016 по 2022 гг., количество совершенных деликтов выросло с 3 991 008 до 5 199 034 за год. Соглашаясь с В.Е. Трофимовым, мы полагаем, что повышение уровня девиантного поведения в целом демонстрирует негативную картину пренебрежения участниками правоотношения к закону, что формирует атмосферу безнаказанности и вседозволенности [14, с. 154]. То есть ученый связывал включение таких запретов с нарастающим уровнем девиантного поведения из-за невозможности разрешить проблему только лишь административно-правовыми методами. Стоит сказать, что данные доводы в целом соответствуют логике законодателя. Именно невозможность борьбы посредством административно-правовых мер с некоторыми имеющимися нарушениями легла в основу обоснования включения уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 171⁴, 321¹ УК РФ [4, 5]. Впоследствии данная идея развивается в трудах Л.В. Головко, который акцентировал внимание на переходе количественных показателей в качественные, причем последние и выражались в необходимости перехода из административно-правового поля в уголовно-правовое [7, с. 105-107].

Обратим внимание на то, что на вопрос «насколько данный переход в рамках изучения уголовно-правовых запретов с административной преюдицией является допустимым» в науке сегодня нет однозначного ответа. В том числе это связано со спецификой толкования принципа *non bis in idem*. Согласно позиции Конституционного суда правовая природа данного принципа заключается в недопущении повторного привлечения лица к ответственности за одно деяния [1, 2, 3]. В случае же применения норм, содержащих уголовно-правовые запреты с административной преюдицией, они предполагают привлечение к ответственности за повторное деяние, отличное от первого. Значит и отсутствует дублирование мер правового воздействия за одно деяние.

При обобщении вышеизложенного, возникает вопрос о взаимозависимости факта повторного совершения деяния и включения в текст закона уголовно-правового запрета с административной преюдицией, а также основания признания такого деяния общественно опасным. Здесь сразу следует уделить внимание тому, что природа данных запретов предполагает изменение в норме лишь указания на субъекта правонарушения в отличие от состава административно-правового деликта. В таком случае говорить о возрастании опасности только деяния представляется невозможным, напротив, характеристика лица, его совершившего, имеет большее квалификационное значение.

Необходимо акцентировать внимание на том, что категория «общественная опасность» применительно к исследуемым уголовным запретам рассматривается по-разному. Несмотря на это, из положений ст. 14 УК РФ прямо следует заключение о том, что именно наличие общественной опасности деяния в целом предопределяет включение в уголовный закон нового запрета. Данный признак деяний наглядно демонстрирует разницу между природой деликта и преступления. В таком случае появление уголовно-правовых запретов с административной преюдицией обуславливается признаком общественной опасности, наличие которого, в свою очередь, определяется фактом повтора совершения нарушения. При этом ранее такая повторность в науке рассматривалась как характеристика опасности личности, совершающего правонарушение [6, с. 342; 9, с. 268]. То есть учеными делается акцент на обусловленности опасности повторного нарушения за счет целенаправленных действий самого нарушителя, что демонстрирует открытый вызов обществу, пренебрежение существующими нормами поведения. В этой части весьма точно высказался П.С. Дагель, утверждая, что общественная опасность личности преступника есть не следствие, а предпосылка совершения преступления [8, с. 26]. Развивая данную идею, высказался В.А. Номоконов, связавший формирование признака общественной опасности личности с наличием в прошлом девиантного опыта [11, с. 23]. Применительно к уголовно-правовым запретам с административной преюдицией таким выступает опыт совершения административно-правовых деликтов.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что обусловленность формирования общественной опасности уголовно-правовых запретов с административной преюдицией во многом связана с личностью нарушителя, целенаправленно повторно игнорирующего законодательные изначально административно-правовые запреты. Это напрямую влияет на повышение уровня опасности деяния в целом [13, с.

133]. Тем не менее говорить только лишь о «субъективном» характере обусловленности уголовно-правовых запретов с административной преюдицией, с нашей точки зрения, не совсем корректно.

Вследствие повторного совершения того же деликта, в отношении того же объекта правовой охраны, да еще и в короткий срок, с очевидностью наносится больше вреда обществу в целом. Безусловно, в рамках исследуемых запретов, при обосновании природы общественной опасности характеристика личности нарушителя играет ведущую роль. Однако мы не можем не принимать во внимание и то, что вследствие таких многократных нарушений наносится больше вреда и охраняемым общественным отношениям. На лицо кумулятивный полученный эффект в виде повышенного размера ущерба в сравнение с вредом от однократно совершенного деяния, демонстрирующий объективный характер общественной опасности таких запретов. Опираясь на вышеизложенное, мы приходим к следующему умозаключению. Обусловленность уголовно-правовых запретов с административной преюдицией вытекает из возрастания общественной опасности в целом, первичной составляющей которой выступает общественная опасность личности нарушителя, а вторичной – совокупный объективный нанесенный вред обществу. Из этого также следует и то, что появление уголовно-правового запрета напрямую вытекает из необходимости реагировать на повторяющееся противоправное поведение после применения менее жестких мер воздействия на конкретное лицо. Аналогичный вывод можно сделать и из содержания пояснительной записки к закону о включении в текст УК РФ ст. 321¹, в которой указывалось на отсутствие сдерживающего воздействия административно-правовых норм, вследствие чего необходимо обращение к уголовно-правовым инструментам [5].

Необходимость наличия сдерживающего эффекта от реализации административно-правовых мер прямо следует из задач административного закона и целей административного наказания, в которых особое внимание уделяется предупреждению совершения новых деликтов. Принимая во внимание принцип системности права, а также допуская, что формирование любого правового запрета должно предопределяться конкретными отраслевыми задачами и целями, установление административно-правового запрета и наказания за его совершение должны обеспечивать недопущение впоследствии совершения тождественных нарушений. Аналогичная роль присуща и сроку административной наказанности, который фактически выступает механизмом сдерживания от совершения новых деликтов. Если же такое повторение произошло, это демонстрирует недостаточность существующих мер воздействия в рамках конкретной отрасли в отношении конкретно взятого нарушителя. Учитывая короткий срок, при котором повторяется нарушение, мы можем говорить о наличии демонстративного пренебрежения субъектами правил поведения, определенных КоАП РФ, вследствие чего правоприменитель вынужден обращаться к более жестким методам воздействия. Таким образом, модель поведения конкретного нарушителя, его целенаправленное игнорирование установленных правил влечет необходимость использования соразмерной формы воздействия, которой и выступает уголовно-правовой запрет с административной преюдицией. Справедливым видится мнение А.З. Рыбака, который в ответ на то, что «сто кошек не могут приобрести качества тигра», выразился следующим образом: «... личность человека-преступника такова, что если в первый раз он похитил полено, то затем, чувствуя свою безнаказанность или «мягкость» наказания, он решит похитить вязанку дров, а потом и всю поленницу, так «из кошки появится саблезубый тигр» [12, с. 117].

Можно сказать, что данная идея легла в основу принятия в текст УК РФ исследуемых запретов в ст. 191 и ч. 2 ст. 255 УК РФ. Главную роль в таком решении играло не столько распространенность указанных деяний в стране, сколько размер совокупного ущерба даже одним лицом в результате такого неоднократного поведения [4]. Приведенный довод снова демонстрирует факт совокупного учета как общественной опасности личности, так и общего нанесенного вреда при установлении обусловленности включения нового уголовно-правового запрета, сконструированного с помощью административной преюдиции.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к заключению о том, что обусловленность уголовно-правовых запретов с административной преюдицией вытекает из совокупного установления общественной опасности. Первичным звеном при этом выступает повышенная общественная опасность личности нарушителя, повторно целенаправленно игнорирующего законодательные запреты. Вторичным звеном выступает кумулятивный вред обществу, что выражается в повторном противоправном деянии, совершенном в короткий срок в отношении того же объекта правовой охраны, а также совокупностью статистических данных о количестве совершения подобных нарушений. При этом обусловленность уголовно-правовых запретов с административной преюдицией предопределяется как политической и законодательной поддержкой, так и расширением их перечня в системе уголовно-правовых запретов.

В свою очередь реальными основаниями для включения в текст закона уголовно-правовых запретов, сконструированных с помощью административной преюдицией, являются:

- 1) соответствие единому вектору государственной политики по расширению числа таких запретов;
- 2) статистические данные, подтверждающие увеличение фактов совершения административных правонарушений;
- 3) выполнение особой связующей роли в системе мер воздействия на повторное противоправное поведение;
- 4) возрастающий уровень общественной опасности личности, повторно совершающей схожие административные правонарушения, что требует применение иных более строгих мер воздействия, и признание кумулятивного уровня общественной опасности от деяния как итог переоценки поведения нарушителя и общего нанесенного вреда.

Список источников

1. Определение Конституционного Суда РФ № 824-О от 26 марта 2019 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 03.12.2024)
2. Определение Конституционного Суда РФ № 2922-О от 24 октября 2019 года) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 03.12.2024)
3. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018-2020 годов)» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 03.12.2024)
4. Пояснительная записка к законопроекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/657608-7> (дата обращения: 03.12.2024)
5. Пояснительная записка к законопроекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/370297-8> (дата обращения: 20.11.2024)
6. Абоян А.А., Парин Д.В. Оценка общественной опасности личности: отражение социологического подхода в институтах уголовного проступка и административной преюдиции // Современный ученый. 2024. № 1. С. 340 – 348.
7. Головко Л.В. Институт административной преюдиции по уголовным делам, или о закономерностях перехода количества в качество // Закон. 2023. № 10. С. 101 – 113.
8. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. университета, 1970. 132 с.
9. Караваева Ю.С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 263 – 271.
10. Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 252 – 259.
11. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А.И. Долговой. Москва: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2018. 195 с.
12. Рыбак А.З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116 – 121.
13. Трофимов В.Е. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость: дис ... канд. юрид. наук. Орёл, 2021. 192 с.
14. Трофимов В.Е. Социальная обусловленность нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами // Юрист-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 152 – 155.

References

1. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 824-O of March 26, 2019 [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus" (date of access: 03.12.2024)
2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2922-O of October 24, 2019) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus" (date of access 03.12.2024)

3. Information "Constitutional and legal protection of entrepreneurship: current aspects (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2018-2020)" [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus" (date of access: 03.12.2024)
4. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/657608-7> (date of access: 03.12.2024)
5. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 150 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/370297-8> (date of access: 20.11.2024)
6. Aboyan A.A., Parin D.V. Assessment of the social danger of an individual: reflection of the sociological approach in the institutions of criminal misconduct and administrative prejudice. Modern scientist. 2024. No. 1. P. 340 - 348.
7. Golovko L.V. Institute of administrative prejudice in criminal cases, or on the patterns of transition of quantity into quality. Law. 2023. No. 10. P. 101 – 113.
8. Dapel P.S. The doctrine of the personality of the criminal in the Soviet criminal law: a textbook. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern. University, 1970. 132 p.
9. Karavaeva Yu.S. Social danger of the individual and the basis for criminalization. Penitentiary science. 2024. Vol. 18, No. 3 (67). P. 263 – 271.
10. Markuntsov S.A. On the application of criminal-law prohibitions constructed using administrative prejudice. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 3 (42). P. 252 – 259.
11. Nomokonov V.A. The return of the personal approach is necessary. The personality of the criminal and its criminological study. Ed. A.I. Dolgova. Moscow: All-Russian public organization "Russian Criminological Association", 2018. 195 p.
12. Rybak A.Z. Administrative prejudice in criminal law. Modern problems of social and humanitarian sciences. 2015. No. 2. P. 116 – 121.
13. Trofimov V.E. Criminal liability for driving a vehicle while intoxicated by a person subject to administrative punishment or having a criminal record: diss ... candidate of legal sciences. Orel, 2021. 192 p.
14. Trofimov V.E. Social determination of violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment and deprived of the right to drive vehicles. Jurist-Pravoved. 2022. No. 4 (103). P. 152 – 155.

Информация об авторе

Лактюхин А.О., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0566-5234>, Ульяновский государственный университет, laktjuhinar@gmail.com

© Лактюхин А.О., 2025